HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	В поисках тайны души человека : о повести В.Ф. Одоевского «Косморама»
Author(s)	Кюно, Ясухико
Citation	Acta Slavica Iaponica, 18, 79-98
Issue Date	2001
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39371
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI18_005.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

В поисках тайны души человека: о повести В.Ф. Одоевского «Косморама»

Ясухико Кюно

Химики и другие естествоиспытатели имеют обыкновение вести журнал при своих опытах; в такой журнал они вносят все замеченное ими в продолжение явления, иногда подробно, иногда одним только указанием. Естественно, в сих замечаниях встречаются неполнота, ошибки, противоречия, но в том и польза сих заметок, ибо едва ли ошибки и заблуждения не столь же подвинули вперед науку, сколь и удачные опыты.

Можно человека угадать по одной фантастической сказке.

В.Ф. Одоевский. «Психологические заметки»

1. О повести Одоевского «Косморама»

Повесть «Косморама» является самым загадочным произведением Владимира Федоровича Одоевского (1804-1869) – одного из наиболее образованных и многосторонних людей в России первой половины XIX века: писателя, философа, музыкального критика, популяризатора научных знаний и общественного деятеля. Сюжет этой повести таков: анонимный издатель представляет читателям рукопись, которую он купил на аукционе вместе с кипами старых счетов и домашних бумаг. В этой рукописи изложена странная история.

Владимир, герой и рассказчик этой истории, в детстве воспитывался в доме своего дяди как круглый сирота. Однажды он получил в подарок от знакомого врача детскую игрушку, «космораму». В этой игрушке мальчик случайно увидел странную сцену: не его дядя, а незнакомый мужчина горячо целует его тетку, а последняя обнимает первого. Скоро в доме его дяди появился дальний брат тетки Поль. Мальчик узнал в нем незнакомца в космораме. Потом, спустя много лет, он, уже взрослый человек, вдруг понял, что Поль был любовником тетки и тогда он увидел будущее событие в космораме. Он снова взял эту игрушку и опять в ней увидел таинственную сцену: на этот раз он сам ухаживает за прекрасной, но незнакомой женщиной (позже она оказалась его будущей любовницей Элизой). Он даже слушал, как в космораме двойник его старого знакомого врача посвящает его в какую-то тайну, хотя он совсем не понял его речь. Он, расстроенный этим событием, разрушил космораму по совету врача. Но все же странные видения не перестали преследовать его. Он

познакомился со своей кузиной, наивной девушкой Софьей, но ее простота и неискушенность в науке в конце концов разочаровали его. Он влюбился в красивую графиню Элизу. Вскоре граф, ее муж, умер, и Владимир с Элизой сладостно мечтали о своей счастливой супружеской жизни. Но на третий день после своей смерти граф вдруг воскрес и вернулся домой, тем самым разрушив будущее счастье влюбленных. Но, тем не менее, они назначили тайное свидание на вечер накануне Нового года, когда графа не будет дома. Они были вне себя от долгожданной встречи, но вдруг, необъяснимым образом, граф появился перед ними и в страшном гневе сжег все: и себя, и Элизу, и ее детей, и свой дом. Спасен был только Владимир: таинственная тень, напоминающая Софью, вывела его из горящего дома. Он серьезно заболел, потрясенный этим событием. Потом, выздоровев, он узнал, что Софья умерла в тот самый день, когда пожар возник в доме графа, а все ее тело было словно обожжено. Повесть кончается, когда герой стал галлюцинировать беспрерывно и напрасно искать выход из этого ужасного положения. Таким образом, в этой повести много непонятных и загадочных событий. Не мудрено, что ее часто считают «самой мистической повестью» Одоевского.

По-видимому, такой мистический характер этой повести усложнил не только ее понимание, но и ее изучение. И читатели, и издатели, и даже исследователи Одоевского долго не обращали внимание на эту повесть, хотя это несомненно одно из лучших произведений зрелого писателя. Она была напечатана впервые в журнале «Отечественные записки» в 1840 г.,[1] но не переиздавались до 1988 г.,[2] хотя многие из его других произведений («Русские ночи», сказки из «Пестрых сказок», «Сильфида», «Саламандра», «Княжна Мими», «Княжна Зизи», «Живой мертвец», «4338-й год» и др.) несколько раз переиздавались до сих пор. Почему-то и сам Одоевский не поместил эту повесть в свое собрание сочинений (1844), в которое вошли другие его лучшие произведения.[3] И первая статья, которая посвящена преимущественно этой повести, появилась только в 1999 г. (!),[4] хотя П.Н. Сакулин и М.А. Турьян рассуждают о ней в своей биографической работе об Одоевском.[5]

---

1 Отечественные записки. Т.VIII. №1. Отд. III. 1840. С.34-81.

2 Повесть «Косморама» впервые с 1840-го года была переиздана полностью в следующих изданиях: *Одоевский В.Ф.* Повести и рассказы. М., 1988. С.195-243; Сильфида. Фантастические повести русских романтиков. М., 1988. С.480-525.

3 Об этом См.: *Турьян М.А.* Странная моя судьба. М., 1991. С.326-327.

4 Roger Cockrell, "Philosophical Tale or Gothic Horror Story? The Strange Case of Odoevskii's The Cosmorama" in Neil Cornwell, ed., *The Gothic-Fantastic in Nineteenth-Century Russian Literature. Studies in Slavic Literature and Poetics* (Amsterdam, 1999), pp.127-143; *Вацуро В.Э.* София: Заметки на полях «Косморамы» В.Ф.Одоевского // Новое литературное обозрение. 2000. №42. С.161-168 (Републикуется по: *Slavic Almanach: The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies* 5:7/8 (1999), pp.86-96).

5 *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель.

Правда, с одной стороны, очень трудно объяснить достаточно ясно ряд странных событий в «Космораме», потому что в ней нет прямых объяснений таких событий. Но, с другой стороны, эта повесть не просто «таинственная повесть», и исследователями еще не исчерпано толкование романтического «двоемирия»,[6] хотя оно часто упоминается в работах об Одоевском. По нашему мнению, в этой повести писатель выдвигает еще другую, более важную для него тему, которая интересовала его всю жизнь. Это – *поиски тайны души человека*. Мы уверены, что с точки зрения этой темы можно объяснить многие, на первый взгляд, непонятные события в «Космораме» и такая работа дает новую трактовку этой интересной повести. При этом мы хотим рассмотреть повесть «Косморама», используя фрагментарное эссе Одоевского «Психологические заметки»(1843) и его черновые записи «Наука инстинкта. Ответ Рожалину»,[7] как комментарий к ней. В этих двух статьях, написанных почти одновременно с «Косморамой», много рассуждений писателя о душе человека.

НАША ЗАДАЧА: в начале мы рассматриваем мысли Одоевского о душе человека с трех точек зрения: его теория инстинкта (гл.2), его интерес к животному магнетизму (гл.3) и мировосприятие мистицизма (гл.4). Потом мы обращаем внимание на четырех героев повести (граф, Бин, Софья и Владимир) и толкуем их поведение с точки зрения мысли писателя о внутреннем мире человека (гл.5). При этом побочные эпизоды служат комментарием к проблеме души человека, и особенно один эпизод, который Софья рассказала Владимиру, имеет важный смысл в этой повести (гл.6). Этот эпизод помогает нам понять поведение героев и их смысл. Наконец, мы рассуждаем о роли Владимира как «автора» рукописи, и показываем, что много общего между попыткой Владимира записать свой странный опыт на бумаге и поисками тайны души человека самим Одоевским (гл.7).

2. Теория инстинкта Одоевского

Проблема природы интересует Одоевского меньше, чем немецких романтиков. Интерес писателя сосредоточен преимущественно на про-

---

Писатель. Т.1. Ч.2. М., 1913. С.82-90; *Турьян*. Странная моя судьба. С.326-333. О «Космораме» как об одном из примеров русской «психологической фантастики» М.А.Турьян рассуждает еще в своей статье (*Турьян М.А.* У истоков русской «психологической фантастики». Владимир Одоевский // Памяти Григория Абрамовича Бялого. К 90-летию со дня рождения. Научные статьи. Воспоминания. СПб., 1996. С.11-24).

6 «“Двоемирие” - существенный мотив нескольких произведений Одоевского, носящих явно мистическую окраску»(*Сакулин*. Из истории русского идеализма. Т.1. Ч.2. С.51).

7 По мнению комментатора «Русских ночей», «работа Одоевского над «Наукой инстинкта» относится к 1843 г.»(*Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С.307).

блеме души человека. Этот факт хорошо показывает замечание о Шеллинге в «Русских ночах»: «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Коломб в XV: он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали только какие-то баснословные предания, – *его душу*!»[8]

Как сказано выше, мы можем найти более подробное рассуждение Одоевского о душе человека в «Психологических заметках» и «Науке инстинкта».[9] В этих статьях он выделяет в душе человека два элемента – инстинкт и разум: «различие двух природ: инстинктуальной и разумной – явственно отражается в наших чувствах».[10] Эти два элемента противоположны, как «для разума инстинкт есть бред, для инстинкта разум есть нечто вещественное, грубое, земное».[11] Но следует заметить, что Одоевский считает «инстинкт» не слепой, иррациональной силой в человеке, а какой-то нравственной силой – то есть «инстинктуальным познанием добра и зла, которое заставляет нас судить о других людях, вещах».[12] Писатель сам называет эту силу «нравственным инстинктом» и объясняет так: «Оно не есть следствие рассуждений, не есть следствие воспитания, – одним словом, не есть следствие разума. <...> Следственно, есть в человеке нечто такое, что не подходит ни под одно из школьных подразделений души, что не есть ни совесть, ни сердце, ни страсть, ни рассудок и что мы назовем условно, не зная лучшего выражения, *нравственным*

---

8 *Одоевский*. Русские ночи. С.15-16. Немецкие романтики оценили Шеллинга прежде всего как нового толкователя природы, учение о которой отсутствует в философской системе Фихте. См.: «Его (Шеллинга – *К.Я.*) задачей было написать историю сознания, его развития от бессознательных природных форм к свободе человеческого духа. Рассмотрение всей природы как единого организма, всех физических явлений как «категорий природы» на ее пути к сознанию было тем подвигом, который возвратил внешнему миру реальность, утраченную им в философии Фихте. Мы не можем себе представить сейчас того одушевления, с которым романтическая молодежь приняла эту новую философию, как и новые открытия (гальванизма, кислорода и т.д.), которые, казалось, объединяли физический и духовный мир и одухотворяли всякое существование»(*Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С.49). О природе и душе человека в творчестве и мысли В.Ф. Одоевского см.: Kyuno Yasuhiko, “Shizen to Ningen no Toso – «Shizen» Gainen wo meguru V.F. Odoevsky no Shelling Juyo ni tsuite,” [Борьба между природой и человеком: как В.Ф. Одоевский толковал шеллингианскую концепцию «природа»?] *Slavistika. The Bulletin of Department of Slavic languages and literatures, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo* 12 (1997), pp.18-33.

9 Еще о теории инстинкта Одоевского См.: *Сакулин*. Из истории русского идеализма. Т.1. Ч.1. С.469-495.

10 *Одоевский В.Ф.* Наука инстинкта // *Одоевский*. Русские ночи. С.200.

11 *Одоевский В.Ф.* Психологические заметки // *Одоевский*. Русские ночи. С.210.

12 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.200.

инстинктом».[13] Он считает этот «нравственный инстинкт» основным и необходимым для жизни человека: «В сем нравственном инстинкте, кажется, лежит основание всех наших знаний и чувствований; <...> мы нашими знаниями и действиями должны бы развить это чувство<...>».[14] А что касается разума, то напротив, он считает его ограниченным и несовершенным: «Разум действует лишь в круге известных ему предметов и по законам, им самим изобретенным; духовный инструмент открывает неизвестное и по сим законам, разумом не определенным, которых он может знать существование, но подробности которых ему неизвестны».[15]

Здесь ясно, что Одоевский придает большее значение инстинкту, чем разуму. Но надо заметить, что писатель не отрицает сам разум как какое-нибудь абсолютное зло. Напротив, он думает, что и разум, как инстинкт, необходим для человека, но опасно следовать исключительно тому или другому: «человек может дойти до *сумасшествия*, предаваясь одному инстинктуальному бессознательному чувству (высшая степень сомнамбулизма), так может дойти до *глупости*, умертвив совершенно в себе инстинктуальное чувство расчетом разума».[16]

Поэтому, главное в том, что человек должен выполнить *высший синтез инстинкта и разума*: «мы должны объяснить себе все явления инстинктуальные, все, что мы знаем посредством инстинкта, обратить в знание ума, и все знания ума поверить инстинктом».[17] Конечно, такого синтеза «трудно, может быть, невозможно достигнуть», но, тем не менее «приближаться к нему можно и должно».[18] Итак, «развитие этого инстинктуального страдательного чувства так же необходимо и трудно, как развитие разума».[19]

Таким образом, Одоевский анализирует структуру внутреннего мира человека, используя понятия «разум» и «инстинкт». Такое соотношение разума и инстинкта, и задача достижения их высшего синтеза, о которых писатель рассуждает в «Психологических заметках» и «Науке инстинкта», отражается и в «мистической» повести «Косморама».

---

13 *Одоевский*. Психологические заметки. С.204.
14 *Одоевский*. Психологические заметки. С.204.
15 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.201.
16 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.201.
17 *Одоевский*. Психологические заметки. С.209.
18 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.199.
19 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.201. См.: «все умозрительные системы суть произведения инстинктуальной силы, или самопобуждения, все эмпирические – разума. Совершеннейшая система (о чем недавно догадались) должна быть соединением того и другого; такая система есть высшая философия и вместе высшая поэзия.»(*Одоевский*. Психологические заметки. С.213).

3. Интерес Одоевского к животному магнетизму

Повесть «Косморама» – наряду с незавершенным рассказом «4338-й год» – является произведением, в котором очевиден интерес писателя к так называемому «животному магнетизму», учению австрийского врача А.Ф. Месмера (1734-1815). В Европе XVIII-XIX веков это учение было очень популярно и оказало большое влияние и на романтическую литературу. По этому учению во вселенной имеется повсеместно разлитая жидкость, которая действует на человеческое тело как магнит. Месмер назвал эту жидкость «животным магнетизмом». Он и его последователи думали, что болезнь вызывается неравномерным распределением флюида в организме, и врач, при помощи животного магнетизма, может возвращать организму больного гармоническое состояние, то есть лечить больного. В «Космораме» один знакомый героя объясняет болезненное состояние последнего, упоминая о магнетизме: «это болезнь, которая доводит до сумасшествия. Человек бредил в магнетическом сне, потом начинает уже непрерывно бредить...».[20] Это мнение Владимиру казалось достоверным, и он начал читать литературу о магнетизме: «Пьюсегюр, Делёз, Вольфарт, Кизер не сходили с моего стола»(С.344). Наконец, он пришел к заключению, что все свое странное состояние можно объяснить магнетизмом: «наконец, казалось мне, я нашел разгадку моего психилогического[21] состояния, я скоро стал смеяться над своими прежними страхами, удалил от себя все мрачные, таинственные мысли <...>»(С.344). Но эта «разгадка» только временно дала ему покой, и, в конце концов, оказалось, что таинственные события все же не перестали преследовать его.

Об увлечении животным магнетизмом в русском обществе в XVIII веке – первой половине XIX века подробно рассказывается в книге С.М. Громбаха.[22] По Громбаху, лечение животным магнетизмом заинтересовало русских еще в ранний этап его развития. В 1765 г. А. Бахерахт попытался лечить зубную боль магнетизмом, а Державин в комментариях к своей оде «На счастие»(1789) рассказал о моде магнетизма в России: «В 1786 г. в Петербурге магнетизм был в великом употреблении». Увлече-

---

20 Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840 гг.). М.-Л., 1991. С.341-342. Все цитаты из «Косморамы» даются по этому изданию. Страницы указываются в скобках после цитаты. По объяснению М.А. Турьян, которая подготовила текст «Косморамы» в этом издании, он «печатается по тексту журнальной публикации <...> с уточнениями по печатному экземпляру с авторской правкой (ОБ ГПБ. ф.539, оп.1, №80)»(С.633). ср. В последнее время в Англии вышла повесть «Косморама» с введением к тексту, подробными комментариями и слово-справочником. Это издание печатается по журнальному изданию (непосредственно по изданию: Русская и советская фантастика. М., 1989. С.175-224). (Vladimir F. Odoevskii, *The Cosmorama* (London, 1998))

21 По журнальной публикации: «психического» *вместо* «психологического».

22 *Громбах С.М.* Пушкин и медицина его времени. М., 1989. С.132-151.

ние животным магнетизмом затихло в конце XVIII века из-за отрицательных заключений Французской Академии Наук по этому поводу, но в 10-х гг. XIX века оно опять оживилось. В 1816 г. в Дерпте профессор физики Паррот отмечал, что «животный магнетизм вновь поднимается после того смертельного удара, который был нанесен ему общественным мнением», а в 1818 г. Н.И. Греч утверждал, что «чудесная сила магнетизма... не подвержена никакому сомнению». В начале 1830-х гг. некая А. Турчанинова вызвала большой шум в петербургском обществе своими магнетическими сеансами. Конечно, такой сильный интерес людей к животному магнетизму не мог не оказать влияние и на литературу. В первых номерах «Литературной газеты» появился отрывок из романа А. Погорельского «Магнетизер», а в 1834 г. вышел роман Н. Греча «Черная женщина», в котором очевиден интерес автора к животному магнетизму. Пушкин и Гоголь тоже упоминали о магнетизме в своих произведениях и рукописях.

Но характерно, что многие люди в то время часто смотрели на животный магнетизм как на какой-то развлекательный, сенсационный спектакль, в котором волшебник словно колдует перед людьми: «При этом внимание широкой публики привлекало не столько лечение магнетизмом, сколько способность магнетизеров как бы усыплять «магнетизируемых», приводить их в такое состояние, которое, будучи сном, позволяло им в то же время выполнять, подчиняясь воле магнетизера, какие-то действия, напоминающие поведение лунатика».[23] Так что, в романтической литературе образ магнетизера часто ассоциировался с образом чародея, колдуна (Э.Т.А. Гофман, Н.А. Мельгунов, А. Погорельский и др.).

Но интерес Одоевского к животному магнетизму отличается от такого поверхностного понимания. Его подход к животному магнетизму до известной степени напоминает последующий ход развития учения Месмера. С 1970-х гг. историки психоанализа начали ценить животный магнетизм как генезис теории Фрейда.[24] «Психотерапия стала предметом экспериментального исследования под именем «животного магнетизма» в конце XVIII века с появлением работ Месмера. <...> До Месмера терапевтическое отношение часто связывалось с религиозными идеями, с магией и даже колдовством, чем и объясняется презрение, с которым к нему относились в среде врачей».[25] Одоевский, наверное, не занимался практикой животного магнетизма, но, тем не менее, стремился изучать его теоретически, систематически, с научным интересом, как позже Шарко, Фрейд

---

23 *Громбах*. Пушкин и медицина его времени. С.136.

24 Напр. H.F. Ellenberger, *The Discovery of the Unconscious: the History and Evolution of Dynamic Psychiatry* (New York, 1970); *Шерток Л., Соссюр Р. де* Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., 1991. (L. Chertok, R.de Saussure, *Naissance du psychanalyste : de Mesmer a Freud* (Paris, 1973))

25 *Шерток, Соссюр*. Рождение психоаналитика. С.40.

или Юнг. Для него особый интерес представляет не сенсационное зрелище при магнетических сеансах, а сущность «магнетического состояния» – то есть сомнамбулического, загипнотизированного состояния: «Магнетическое состояние – это степень инстинкта – происходит не от каких-либо доказательств или выводов магнетизера больному, но от инстинктуального чувства магнетизера, для него самого неизъяснимого, по сочувствию которого естественную метафору видим в звуках, душа больного, на которую действует инстинктуальная сторона гипнотизера, приходит сама в инстинктуальное состояние».[26] Так он анализирует действие магнетизера на больного в магнетическом сеансе и замечает важную роль «инстинктуальной»(инстинктивной) силы в нем. Из этого следует, что Одоевского более интересует «гипноз», чем самый «животный магнетизм».[27] Это потому, что именно в загипнотизированном состоянии, в которое магнетизер приводит больного своей инстинктуальной силой, по его мнению, обнаруживается сущность разума и инстинкта, то есть тайна души человека: «таким образом, ныне сии две силы, хотя существуют вместе, но так разделены, что для разума инстинкт есть бред, для инстинкта разум есть нечто вещественное, грубое, земное. Это явление, во всей простоте своей замечаемое в словах сомнамбулов о людях, находящихся в бдении, и людей в бдении о сомнамбулах, в бесконечных формах повторяется во всем».[28] Итак, в мысли Одоевского животный магнетизм тесно связан с его теорией инстинкта.

В конце концов, в «Космораме» не объясняются странные события жизни Владимира с точки зрения животного магнетизма. Но это не уменьшает значение животного магнетизма в этой повести. Главное в том, что писатель, очевидно, использует свои знания о животном магнетизме, чтобы описывать психологию или видение Владимира. Писатель тем самым стремился разгадать тайну души человека.

4. Мировосприятие мистицизма: соответствие макрокосма и микрокосма

В связи с поисками писателя тайны души человека мы замечаем еще один важный мотив в «Комораме» – это ясное влияние мистицизма

---

26 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.201. См.: «невольное чувство, которое заставляло нас смотреть с участием на больного, держать его руки, голову, – обратилось в магнетизм, в действительное лекарство.» (*Одоевский*. Психологические заметки. С.209)

27 В этом отношении интересно, что в «Космораме» мы находим имя Пюисегюра (1751 - 1825), самого известного ученика Месмера, который открыл «магнетический сомнамбулизм»(искусственно вызванный сомнамбулизм) и тем самым открыл путь к Фрейду в истории психоанализа.

28 *Одоевский*. Психологические заметки. С.210.

на ее замысел. В философской традиции от древнегреческих мыслителей (Платон, перипатетическая школа, стоицизм) до средневековых мистиков (Николай Кузанский, Дж. Бруно, Т. Кампанелла, Парацельс и др.) было распространено такое учение, по которому человек (микрокосм) есть подобие, отражение, зеркало или символ вселенной (макрокосм). Из этого следует, что вселенная есть человеческий организм в увеличенном виде, а человека – вселенная в миниатюре. Между вселенной и человеком такая же связь, как и между членами одного телесного организма, поэтому понимание микрокосма (человека) ведет к пониманию макрокосма (вселенной) и наоборот.

Эпиграф на латинском языке из «неоплатоников» в «Космораме» («Quidquid est in externo est etiam in interno»[Что снаружи,то и внутри, С.304]) показывает, что такое мировоззрение является основной идеей этой повести. Слова Владимира, произнесенные в одном из его видений, подтверждают такое предположение: «Я понял, что «человек есть мир» – не пустая игра слов, выдуманная для забавы...»(С.335).

В этом отношении важную роль играет в этой повести косморама – детская игрушка, которую доктор Бин подарил Владимиру в детстве. Косморама – это «картина, представляющая большое пространство земли с находящимися на ней предметами, написанная и поставленная так, что создается впечатление живой природы».[29] Но косморама в этой повести не просто такая оптическая игрушка. Она выступает и как какой-то мистический посредник между микрокосмом и макрокосмом, и под ее таинственным влиянием миниатюрный мир в ней превращается в действительность, уже не оптически, но и буквально, действительно. Так, все сцены, которые Владимир видит в косморамe, позднее реализуются в действительном мире.

А действительность, в свою очередь, превращается в какое-то миниатюрное, оптическое, панорамное зрелище. Образ «ящик»(косморама) соответствует образам «дом» и «комната» в реальном мире как закрытое, кубическое пространство. При этом можно заметить такие, связывающие их образы, как «ряд комнат», «свет», «лампа», «стекло», «зеркало», «украшения» и «праздничная атмосфера». Например, когда Владимир впервые заглянул в космораму, он видел следующую сцену: «теперь только, при тусклом свете ночной лампы, я заметил, что в ящике было круглое стекло, сквозь которое виднелся свет; <...> я приложил глаза к стеклу и увидел ряд прекрасных, богато убранных комнат, по которым ходили незнакомые мне люди, богато одетые; везде блистали лампы, зеркала, как будто был какой-то праздник»(С.307). А изображение дома тети Владимира напоминает такую сцену в косморамe: «<...> видишь, какая славная боскетная;

---

29 *Сомов В.П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996. С.219. По Сомову, это заимствованное слово из греческого языка: «космос» – мир и «орама» – вид, зрелище.

когда в коридоре свечку засветят, то у меня здесь точно месячная ночь. В самом деле, взглянув на стену, я увидел грубо вырезанное в стене подобие полумесяца, в которое вставлено было зеленоватое стекло. – Видишь, батюшка, как славно придумано. Днем в коридоре[30] светит, а ночью ко мне. <...> Она (тетя – *К.Я.*) повела нас через ряд комнат,<...> Везде большие светлые окошки, широкие лежанки, маленькие двери, <...>»(С.316).

Вообще в «Косморамe» писатель с особым вниманием описывает «дом» или «комнату». Когда Владимир вернулся в Москву после долгого перерыва, он не без ностальгии любовался одним отдаленным домом: «над домом в три этажа и в одно окошко, выкрашенным красною краскою, возвышалась огромная зеленая решетка в виде голубятни, которая, казалось, придавливала весь дом. <...> с тех пор он нимало не переменился, только с бока приделали новую пристройку в один этаж и как будто нарочно выкрасили желтою краскою; с нагорья была видна внутренность двора; по нем величаво ходили дворовые птицы, и многочисленная дворня весело суетилась вокруг краснобая-пряничника»(С.314). За этим описанием дома следует «философские размышления» о домах Москвы и Петербурга. Другой пример: когда Владимир вошел в комнату Софьи и смотрел на ее обстановку, в его голову пришла следующая мысль: «ничто нас столько не знакомит с человеком, как вид той комнаты, в которой он проводит большую часть своей жизни, и недаром новые романисты с таким усердием описывают мебели своих героев»(С.317). Эта мысль словно напоминает соответствие микрокосма и макрокосма

Итак, косморама превращает оптическое зрелище в действительность, а действительность – в оптическое зрелище. В результате такого смешения реального и ирреального миров уже без косморамы самая действительность превращается в подобие оптического зрелища: «я вздрогнул, как будто электрическая искра пробежала по моему телу, все меня окружающее сделалось прозрачным – стены, земля, люди показались мне легкими полутенями, сквозь которые я ясно различал другой мир, другие предметы, других людей...»(С.332). «Электрическая искра», «прозрачный» или «легкие полутени» – все эти образы ассоциируется с чертами косморамы.

Таким образом, косморама реализует такое мировосприятие мистицизма, как то, что микрокосм есть макрокосм, а макрокосм – микрокосм. И по нашему мнению, именно этот «другой мир», который Владимир видел в косморамe или в своих видениях – макрокосм сквозь микрокосм и, в то же время, душа человека, т.е. внутренний, бессознательный мир человека.

Теперь мы обратим внимание на героев повести и попытаемся толковать их поведение с точки зрения такой мысли Одоевского о душе человека.

---

30 По журнальной публикации: «в коридор» *вместо* «в коридоре».

5. Поведение героев и их смысл (Граф, доктор Бин, Софья и Владимир)

Часто говорят, что Фрейд, наряду с Коперником и Дарвином, нанес очень жестокий удар по человеческому самолюбованию. Он разрушил традиционную в европейской мысли иллюзию, что сознание – центр сердца человека, сознание есть дух, сознание есть свобода. Он показал, что человек никогда не является «хозяином в собственном доме», и именно бессознательное, не представленное в сознании человека и не управляемое им, определяет поведение и ход мысли человека. Такой взгляд на человека можно применить к двум мирам в «Космораме»: все действующие лица не понимают настоящее значение своих поступков, как человек не познает бессознательное сознанием. Но это значение можно выяснить в другом мире, как психиатр выясняет скрытое желание пациента через анализ его подсознания.

В этом отношении, среди персонажей в «Космораме», для нас особый интерес представляют граф, доктор Бин, Софья и Владимир.

Граф – самый отрицательный тип среди действующих лиц в «Космораме». Он изображен как «опытный светский человек»: «речи графа были остроумны, замечания тонки; видно было светского человека, который под личиною равнодушия и насмешки скрывает короткое знакомство с многоразличными отраслями человеческих знаний»(С.343). Благодаря таким его чертам, он внушает людям доверие, как «честный, твердый человек». Но Владимир внимательно наблюдал графа в театре и нашел другую сторону в его характере: «при первом взгляде лицо его не имело никакого особенного выражения, но при большем внимании вы уверялись невольно, что на этом лице лежит печать преступления»(С.342-343). По доктору Бину граф – «человек капризный, плотский и мстительный»(С.329), а разговор Владимира с Элизой подтверждает эту характеристику: «Едва я узнал, <...> что нрав ее мужа сделался еще ужаснее; что он терзал ее ежедневно, просто для удовольствия»(С.346).

Однако такой злой, но скрытый от людей характер графа яснее всего обнаруживается в видениях Владимира. Он в своих видениях познает, как граф с коварством обольщает дам, разоряет друга в игре в карты, убивает противника на дуэли, осуждает невинного в суде. Он еще видел, как «безобразные чудовища» все время сопутствуют графу. Они учат графа «мысли себялюбия, безверия, жестокосердия, гордости», внушают «тонкую сметливость, осторожность, коварство», побуждают и помогают ему в разных преступлениях.

Одоевский характеризирует XIX век как «коммерческий век». Он думает, что отличительная черта этого века – расчет, сомнение, эгоизм, безверие, и они ярче всего отражаются в теории английских экономистов Мальтуса, Бемтама и Адама Смита. Он уверен, что «коммерческий век», в конце концов, принесет человечеству несчастье: «одно материаль-

ное просвещение, образование одного рассудка, одного расчета, без всякого внимания к инстинктуальному, невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей степени развития. Но, развившись в одном эгоистическом направлении, беспрестанно удовлетворяя потребностям человека, предупреждая все его физические желания, она растлит его; плоть победит дух».[31] Граф, в конце концов, погиб, «дорогою, страшною ценою» за свое жестокое мщение. Так, можно думать, что граф – типичный представитель «коммерческого века» – «века расчета и сомнения», а его учитель и руководитель, «безобразные чудовища» – отражение, символ, зеркало его внутреннего мира.

Но в этой повести существует и другой, положительный тип – это доктор Бин, знакомый с детства врач Владимира, и его кузина Софья, девушка лет 17-ти.

Доктор Бин – тот самый человек, который подарил мальчику Владимиру космораму, и тем самым дал ему способность ясновидения. Он в реальном мире добрый, простодушный человек: он всегда тепло относится к Владимиру, часто заботится о его здоровье, и только он не покидает его, когда все его знакомые перестают общаться с ним и даже птицы не подлетают к крыше его дома. Но Бин изображен и как тупой, прозаический, глуповатый человек.

Однако, Бин в другом мире показывает себя как совершенно иной человек – более мудрый, более серьезный человек, хотя, вместе с тем он часто строгий, грустный и сумрачный. Он объясняет скрытое значение своих поступков, которые в реальном мире представляется в виде «невольного побуждения»: «там я подарил тебе игрушку, сам не зная для чего, но здесь я имел в виду предостеречь твоего дядю и моего благодетеля от несчастия, которое грозило всему вашему семейству»(С.312). Он так ведет себя потому, что он «обманулся в расчетах человеческого суемудрия». И его двойник в другом мире, кажется, ведет острую борьбу со злой силой: «он был в рубище, глаза его горели, члены трепетали; он то являлся, то исчезал; казалось, он боролся с какою-то невидимою силою, старался говорить, но до меня доходили только прерывающиеся слова...»(С.341).

Но Бин в реальном мире совсем не знает существование «другого мира», и даже не чувствует его. Бин в реальном жизни всегда приписывает видение Владимира только «болезни», «нездоровью» или «игре воображения». Его двойник признается, что «там я сам не знаю, что делаю»(С.312). В повседневном мире его чувства «грубы», его ум «спеленан» и «в слухе звездные звуки», поэтому он чувствует особенную трудность даже сообщать свои мысли себе самому в реальном мире: «Мои мысли я должен передавать себе посредством сцепления мелочных обстоятельств жизни, посредством символов, тайных побуждений, темных намеков, кото-

31 *Одоевский*. Психологические заметки. С.206.

рые я часто понимаю криво или которые[32] вовсе не понимаю»(С.313). Итак, в Бине есть полная бездна между миром реальным и ирреальным. Поэтому Бин в «другом мире» в конце концов только предупреждает Владимира об опасности, а Бин в реальном мире до конца повести остается только добрым, но бессильным спутником Владимира.

По сравнению с Бином, Софья играет более активную роль в «Косморама».[33] Она в реальном мире кажется Владимиру «просто девушкой доброй, но очень обыкновенной, которая кстати и некстати любила повторять самые ребяческие сентенции»(С.339). Но в Софье нет такой отчетливой грани между миром реальным и ирреальным, как в Бине: она если не видит «другой мир» своими глазами, как Владимир, то может ощущать его инстинктуально: «иногда что-то внутри меня говорит во мне, я прислушиваюсь и говорю, не думая, – и часто что я говорю, мне самой непонятно»(С.320). Она не стремится управлять этим «внутренним голосом» при помощи разума и всегда покорно следует ему. Поэтому ее инстинктуальная сила, даже в реальном мире, может оказать благодатное влияние на душу Владимира, как инстинктуальная сила магнетизера действует на больного: «один простодушный взгляд, один простодушный вопрос невинной девушки невольно восстановлял первобытную чистоту души моей»(С.323). И она в реальном мире спасла его как таинственная тень, которая провела героя из горящего дома: «в эту минуту только я заметил пред собою как будто белое облако... всматриваюсь... в этом облаке мелькает лицо Софьи... она грустно улыбалась, манила меня... Я невольно следовал за нею... Где пролетало видение, там пламя отгибалось, и свежий, душистый воздух оживлял мое дыхание...»(С.347-348).

И почти все ее слова, на первый взгляд, наивные и странные, оказываются основной идеей в «Косморама». Например, следующие ее слова Владимиру казались странными на языке девушки: «Не шутите так, берегитесь слов, ни одно наше слово не теряется: мы иногда не знаем, что мы говорим нашими словами!»(С.320). Но эти слова оказались одной из главных тем в этой повести, которая связана с мистической идеей кармы.

---

32 По журнальной публикации: «которых» *вместо* «которые».

33 Многие исследователи, которые рассуждают о повести «Косморама», обращают гораздо сильнее внимание на Софью, чем на других героев, и дают интересную трактовку по поводу ее значения в этой повести. Например, М.А. Турьян считает Энхен Громбаха в «Орлахской крестьянке» литературной предшественницей Софьи и подчеркивают общие черты между обеими героинями: обе имеют невинное сознание и обладают инстинктуальной силой (*Турьян*. У истоков русской «психологической фантастики». С.18). В.Э. Вацуро связывает образ Софьи с масонской философской традиции в России (*Вацуро*. София. С.161-168.), а Р. Кокрэл стремится найти основную идею в этой повести в трактовке Софьей таких литературных произведений, как басни Лафонтене, «Гамлета» Шекспира и «Фауста» Гете (Cockrell, “Philosophical Tale or Gothic Horror Story?,” pp.138-141).

Владимир сам подтвердил правоту этой фразы позднее в своем видении: «Я понял, как важна каждая мысль, каждое слово человека, как далеко простирается их влияние, какая тяжкая ответственность ложится за них на душу и какое зло для всего человечества может возникнуть из сердца одного человека, раскрывшего себя влиянию существ нечистых и враждебных...»(С.335). Или Софья читала Владимиру из своего альбома такую сентенцию, как «чистое сердце есть лучшее богатство»(С.323). Эта фраза повторилась в магическом письме, посмертной записи Софьи и стала для Владимира ценным советом.

Итак, на самом деле, она оказалась «каким-то таинственным, добрым существом, которое хранит меня, которого каждое слово имеет смысл глубокий, связанный с моим существованием»(С.338-339), так думает Владимир, хотя не без сомнения.

Следует заметить, что в образе Бина и Софьи писатель подчеркивает детский характер – «простоту», «доброту», «наивность» или «простодушность». Бина часто изображают как доброго, но немного ребячливого человека. А Софья тоже добрая, но «простоватая» девушка. Она в детстве получила крайне простое воспитание от ее няни-немки, как «стряпать на кухне, шить гладью, вязать фуфайки, ходить за больными», и она даже не знала, что это за «французская революция» или «мистицизм». Такое ее «милое невежество» смешило Владимира, и, в конце концов, он пришел к такому заключению: «Софья своим простодушием, своею детскою странностью, своими сентенциями, взятыми из прописей, могла забавлять меня – и только; она была слишком ребенок, младенец; душа ее была невинна и свежа до бесчувствия»(С.324).

Но Одоевский думает, что инстинктуальное состояние хорошо сохраняется чаще всего в младенце: «но все заметна инстинктуальная сила в младенце, и это доказывается тем, что дети скорее взрослых <...> подвергаются магнетическому состоянию. Ребенок редко ошибается. Его ум и сердце еще не испорчены.».[34] Владимир тоже размышляет о безотчетной мысли и чувстве в детстве: «может быть, в детстве мы больше мыслим и чувствуем, нежели сколько обыкновенно полагают; только этих мыслей, этих чувств мы не в состоянии обозначать словами и оттого забываем их»(С.310).

Так, можно думать, что Бин и Софья – воплощение инстинктуальной силы и хранители Владимира как «светлые образы, порождения душ чистых, бескровных», которые борются с «темными двигателями грехов человеческих» в «другом мире». Но, вместе с тем, их инстинктуальная сила не связывается с разумом, то есть в них нет *синтеза разума и инстинкта*. Поэтому Бин до конца не может преодолеть разрыв между двумя мирами, а Софья погибает, слепо следуя своей инстинктуальной силе.

---

34 *Одоевский*. Психологические заметки. С.210.

Что касается героя и рассказчика в этой повести Владимира, он занимает промежуточное положение между графом и Софьей – то есть между разумом и инстинктом. С одной стороны, холодный рассудок, расчет или эгоизм XIX века не полностью портит его. Например, его манера любви не соответствует светской манере: «Правда, мы были еще невинны во всех смыслах; никогда еще слово любви не произносилось между нами»(С.325). Поэтому он может стать единственным человеком, который в реальном мире может *видеть* «другой мир» *своими глазами*, то есть *сознательно познает* его. Двойник Бина в другом мире говорит ему: «ты можешь все видеть, – все, без покрышки, без звездной пелены, которая для меня самого *там* непроницаема»(С.313). Так Владимиру дают возможность понимать «другой мир».

Но, с другой стороны, он «молодой, еще полный сил человек, но уже опытный» и «человек, прошедший чрез все мытарства жизни», поэтому он уже теряет детскую невинность. Он слишком светский человек, «человек, принадлежащий XIX-му столетию», чтобы покорно следовать своей инстинктуальной силе, как Софья. Так, он часто напрасно обращается к разуму, когда он попадает в трудное положение: «Я призывал на помощь все усилия разума, всю опытность, приобретенную холодными расчетами долгой жизни... Но рассудок представлял мне смутно лишь черные софизмы преступления, мысли гнева и крови»(С.326). И иногда зло XIX века мучит его: «часто, когда раздоры мнений, страшные вопросы, все порождения умственной кичливости нашего века стесняли мою душу, когда мгновенно она переходила чрез все мытарства сомнения и я ужасался, до каких выводов достигала непреклонная житейская логика»(С.323). Он не может разгадать настоящую роль Софьи в своей жизни, и ее слова ему кажутся новыми только потому, что «готическая мебель» кажется новой в наши дни: «эти сентенции потому только, вероятно, поражали меня, что в движении сильных, положительных мыслей нашего века они были забыты и казались новыми, как готическая мебель в наших гостиных»(С.339). И он в своем видении даже думал, что «я вспоминал все ее таинственные поступки, все ее двусмысленные слова – все мне было теперь понятно! Хитрый демон скрывался в ней под личиною невинности...»(С.340).

Поэтому он может «все видеть», но не может управлять способностью ясновидения. Двойник Бина говорит: «с той минуты в твоей душе растворилась дверь, которая всегда будет открываться для тебя неожиданно, против твоей воли, по законам, мне и здесь непостижимым. <...> чудная дверь в тебе раскрылась равно для благого и злого, для блаженства и гибели..., и, повторяю, уже никогда не затворится»(С.312-313). Так способность ясновидения, в конце концов, приносит ему не счастье, а несчастье.

Словом, он обращается к разуму без инстинктуальной силы, точнее, без веры в нее, и такие попытки всегда кончаются неудачей. Но это не мудрено: людям XIX века, по мнению Одоевского, трудно развивать свою инстинктуальную силу: «В младенце нынешнем не может развиться ин-

стинктуальное знание до совершенства, ибо мы живем в век изысканий».[35]

Владимир – типичный человек «века изыскании». Он ищет любовь, добро, правду в мире, ненавидит светские приличия и, главное, может видеть «другой мир» – то есть ему дают ключ к пониманию тайны души человека. Но все же он обращается к разуму, не может верить в свою инстинктуальную силу и не понимает значение *синтеза разума и инстинкта*, поэтому он не может воспользоваться этим ключом, и не может спасти самого себя и даже не знает, как себя спасти.

Но все же в этой повести представлен пример, показывающий дорогу к спасению, которую Владимир никак не может найти.

6. Побочные эпизоды как коментарий к проблеме души человека

В этой повести основная идея представлена не только в событийной сфере, но и через притчи в виде побочных эпизодов. В этом отношении ключевым эпизодом в этой повести является сказка о богаче и бедняке в подземелье, которую Владимир читал в Софьином альбоме (С.321-322).

Софья показала эту сказку Владимиру, когда ее странный взгляд на вещи и ее невежество удивили его и он заинтересовался ее воспитанием. Софья сказала, что эта сказка взята из «небольшой книги», которую она читала вместе со своей няней-немкой. Сюжет сказки таков: Два человека – богач и бедняк – родились и живут в глубокой пещере, где совсем не видно солнца и горят только свечи. Очень трудно выйти из этой пещеры, потому что надо подниматься по узкой и крутой лестнице. Богач расспросил приходящих в пещеру и получил точное представление о внешнем мире, но уже привык к уютной подземной жизни и, кроме того, боится крутой лестницы. В конце концов, он остается в темной пещере. А бедняк, напротив, имеет ложное понятие о внешнем мире, но сильное желание посмотреть этот чудный мир, что побуждает его подняться по крутой лестнице. Наконец ему удалось выйти на землю. Его понятие о солнце оказалось ложным, но все же он насладился чистым воздухом и теплым солнцем, полюбовался красивым небом, и поблагодарил бога.

По Сакулину, Одоевский взял эту сказку из аполога английского философа-мистика Джона Пордеча (1625?-1698).[36] Но следующее замечание писателя в «Науке инстинкта» позволяет нам толковать эту сказку с точки зрения его теория о разуме и инстинкте: «Великое дело – *понять* свой *инстинкт* и *чувствовать* свой *разум*. Мы беспрестанно находимся в некоторой относительной темноте, о которой может дать понятие

35 *Одоевский*. Психологические заметки. С.210.

36 *Сакулин*. Из истории русского идеализма. Т.1. Ч.2. С.83.

человеку воспоминание о его детстве; сколько вещей в то время, которые теперь нам кажутся состоянием слепого. Так продолжается во всю жизнь – и все стремление человека – выйти на свет».[37] Из этого можно сделать вывод, что подземная пещера – «темнота», где человек находится словно в состоянии слепого. Там богач – человек, который гордится своим разумом, но забывает свою инстинктуальную силу. Богач имеет точное понятие о солнце с точки зрения естественных наук («богач <...> узнал, что солнце огромная планета, которая греет и светит»). Но его гордость так велика, что «тщательно собирая и записывая все слышанные рассказы, он скоро уверился, что в них много преувеличенного и что он сам гораздо лучшее имеет понятие о солнце, нежели те, которые его видели»(С.322). Такая гордость вместе с его ленью и трусливостью побуждает его остаться «в смрадной пещере, перед тусклой свечою». Бедняк, напротив, сначала имеет ложное понятие о солнце, думая, что «солнце – великая и знатная особа, которая всем оказывает милости». Но он твердо уверен в милосердии солнца, то есть «верит» в него, и эта «вера» дает ему силу подняться по крутой лестнице, хотя она очень опасная. Итак, оказывается, что не разум, а инстинкт бедняка, его «вера» в свою инстинктуальную силу ведет бедняка к теплому солнцу, к верному пути, к осуществлению «всего стремления человека – выйти на свет».

Одоевский думает, что «первая вера человека (не в религиозном смысле) была безотчетное верование в свой инстинкт».[38] И это «верование» соединяет науку (продукт разума) с поэзией (вербальное выражение инстинктуального состояния): «представитель прошедшего есть наука, представитель будущего – поэзия; представитель настоящего – безотчетное верование. Без сего ощущения человек не решился бы сделать ни шага, ни вымолвить слова; оно действует независимо от его воли, иногда в одежде науки или поэзии, но оно одно дает такое ощущение и характер науке и поэзии данной эпохи».[39]

Но Владимир, по-видимому, не понял эту сказку, хотя она «странным образом навсегда напечатлелась» в его памяти. Он заметил как будто плохой литературный критик, что «это, кажется, аполог Круммахера» и «он не дурен, немножко сбивчив, как обыкновенно бывает у немцев», и продолжал:

<...> но посмотрите, в нем то же, что я сейчас говорил, то есть, что человеку надобно трудиться, сравнивать и думать...

– И верить, – отвечала Софья с потупленными глазами.

– Да, разумеется, и верить, – отвечал я с снисходительностью человека, принадлежащего XIX-му столетию.

Софья посмотрела на меня внимательно. (С.322-323)

37 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.203.

38 *Одоевский*. Психологические заметки. С.209.

39 *Одоевский*. Психологические заметки. С.205.

В ответ на слова Софьи Владимир тоже признает, что человеку надобно и «верить», но «с снисходительностью человека, принадлежащего XIX-му столетию». То есть он согласен с Софьей только для приличия, без души. Поскольку он остается таким скептиком, он, как богач в подземелье, не может «выйти на свет» – достичь синтеза разума и инстинкта.

Но все же он серьезно и мучительно ищет путь к спасению. Именно для того, чтобы найти этот путь, он начинает записывать свой опыт на бумаге. Такой его поступок выдвигает вопрос соотношения проблемы словесного выражения и коммуникации и проблемы души человека.

7. Владимир как «автор» рукописи

Проблема словесного выражения и коммуникации является одной из самых важных тем в творчестве Одоевского. Его основное положение таково: «нет предмета, который бы мы знали во всех подробностях; мы знаем некоторые его признаки; по сим признакам мы даем ему имя, или, лучше сказать, тем или другим словом мы выражаем лишь те или другие свойства предмета, его части, но не весь предмет. Это равно относится как к предметам природы, так и к предметам, находящимся в душе нашей».[40] Но особенно трудно выражать что-нибудь языком, когда мы упоминаем о предметах, связанных с душей человека: «выражение относится к мысли и чувству, как дробь к единице; выражение никогда не может вполне достигнуть целости чувства или мысли. Мы по выражению не узнаем мысль, но только *угадываем* ее, дополняя собственным чувством то, чего недостает выражению».[41] Это потому, что «душа человека» – особый предмет, неизвестный человеку до сих пор и не такой простой, как «природа». В «Русских ночах» Фауст замечает по поводу такой особенности души человека: «Я вам рекомендую, господа, <...> читать две книги: одна из них называется *Природой* – она напечатана довольно четким шрифтом и на языке довольно понятном; другая – *Человек* – рукописная тетрадь, написана на языке мало известном и тем более трудном, что еще не составлено для него ни словаря, ни грамматики».[42]

«Другой мир» в «Космораме» – тоже особенный предмет, который трудно или невозможно описать обыкновенным языком. Если кто-нибудь старается описать языком явление в «другом мире», его речь становится нелепой, бессвязной и бессмысленной для обыкновенных людей в реальном мире. Так, двойник доктора Бина говорит Владимиру, что «у вас должен казаться сумасшедшим тот, кто в нашем мире[43] говорит языком

---

40 *Одоевский*. Психологические заметки. С.220.

41 *Одоевский*. Психологические заметки. С.219.

42 *Одоевский*. Русские ночи. С.178.

43 По журнальной публикации: «в вашем мире» *вместо* «в нашем мире».

нашего»(С.313), а Владимир, герой и рассказчик в этой повести, наталкивается именно на такую ограниченность языка: «Я не буду более описывать этой картины. Как описать сплетения всех внутренних побуждений, возникающих в душе человека, из которых здесь каждое имело свое отдельное, живое существование? Как описать все те таинственные дела, которые совершались в мире сими существами, невидимыми для обыкновенного взора?»(С.334).

Но Одоевский не думает, что *абсолютно* невозможно описать этот «другой мир», то есть внутренний мир человека. Он все же находит средство, при помощи которого можно описать внутренний мир человека если не совершенно, но приблизительно. Это средство – «символ»: «не имея языка (ибо язык есть предчувствие эпохи разума), оно (первобытное инстинктуальное состояние человека – *К.Я.*) употребляет приблизительный язык, т.е. символы».[44] «иносказание» – один из примеров, в которых выражают символами «необычайную, непонятную нам силу человека»: «Мы всегда облекаем лишь самые отвлеченные понятия в чувственную оболочку для того, чтобы их сделать осязаемым, – мы духовному придаем вещественный образ».[45] Если это так, то можно думать, что «Косморама» принадлежит к такому иносказанию. Поэтому, все непонятные и загадочные вещи, персонажи, события, явления в этой повести (оживление мертвеца, видение в космораме, безобразные чудовища и др.) – все это выражение «другого мира», внутреннего мира человека посредством символов.

Владимир до такой степени человек XIX века, что у него не хватает «веры», и поэтому он не может спасти себя и разгадать тайну «другого мира». Но в то же время он не просто «сумасшедший» или «галлюцинирующий». Следует подчеркнуть, что он выступает и как «автор». Записывать свой опыт на бумаге – это его признание, судьба. Чудные обстоятельства, в которых он является и свидетелем, и действующим лицом, и жертвою, в конце концов, привели его в совершенное отчаяние. Но, тем не менее, он пытается «поверять бумаге мою (т.е. его – *К.Я.*) жизнь», серьезно, искренно, не как романист пишет роман, а точно как естественноиспытатель ведет журнал при своих опытах: «В этом рассказе нет ничего выдуманного, ничего изобретенного для прикрас. Иногда я писал подробно, иногда сокращенно, смотря по тому, как мне служила память – так я старался предохранить себя и от малейшего вымысла»(С.306). Словом, «Косморама» – это не только история о странных событиях жизни Владимира, но и его мучительная попытка записать на бумаге загадочные явления в «другом мире» – то есть тайну души человека, которая «написана на языке мало известном» и для которой «еще не составлено ни словаря, ни грамматики». Конечно, ему не удалось записать все ясно, тем более объяснить до конца. Поэтому, как говорит анонимный издатель, ко многим из куплен-

---

44 *Одоевский*. Наука инстинкта. С.199.

45 *Одоевский*. Психологические заметки. С.207.

ных им рукописей, в том числе рукописи Владимира, необходимо «присовокупить вступление, предисловие, комментарий и другие ученые принадлежности». Но, поскольку издатель не выполняет свое обещание дать читателям комментарии, в которых, по словам издателя, «все происшествия, описанные в рукописи, объяснены как дважды два – четыре»(С.305), толкование этой повести и разгадку тайны души человека поручают именно будущим читателям: «может быть, тот, кому известен настоящий ключ к гиероглифам человеческой жизни, воспользуется лучше меня моею собственною историею. Вот единственная цель моя!»(С.306) Такое признание Владимира соответствует следующему замечании Одоевского в «Психологических заметках»: «каждый из нас ежедневно и невольно производит подобные опыты над своею душою – при собственном ли ее на себя воздействовании, при встрече ли с внешними предметами. Вот журнал, веденный в продолжение многочисленных психологических процессов; может быть, он когда-нибудь пригодится на что-либо будущему духоиспытателю».[46]

Итак, «Косморама» не *завершенный, закрытый, напечатанный текст*. Это *рукопись – неоконченный, открытый текст*. И писатель предлагает читателям самим комментировать эту повесть, как в «Русских ночах» четверо друзей рассуждают о рукописях двух «духоиспытателей», и тем самым приглашает участвовать в поисках тайны души человека, исследуемой писателем.

8. В заключение

В данной статье мы стремились найти понятную и последовательную тему в повести «Косморама», которую часто считают «странной», «мистической», «оккультной» или «полной сверхъестественных событий». Поиски тайны души человека – одна из самых важных тем Одоевского, и «Косморама» – самый смелый и оригинальный подход писателя к этой проблеме. При этом в основании его творческого замысла лежит «несовременная», в наших глазах, наука, как теория инстинкта, животный магнетизм и мистицизм. Но на наш взгляд все же писатель интересным и уникальным путем проникает в глубину внутреннего мира человека, который лет через 50 австрийский врач Фрейд стремился разгадать медицинским методом.

---

46 *Одоевский*. Психологические заметки. С.203.